Владимир КОТОВ

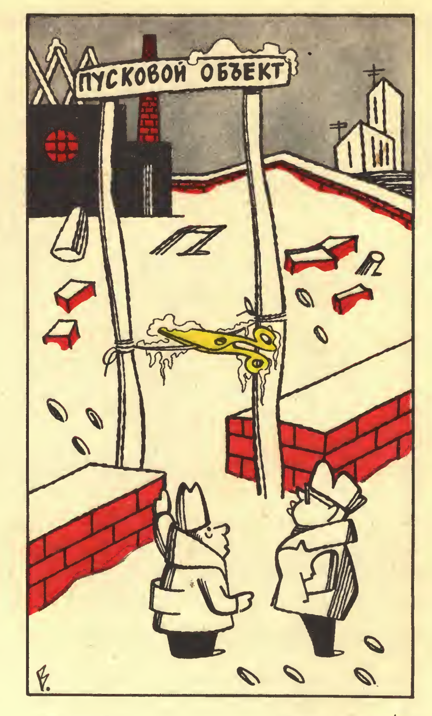
Кому стирать пеленки?

Молодожены жили
уже который год,
и жили — не тужили,
всему, мол, свой черед.
Влюбленным
звезды рады
и год и пять светить,
но все-таки
пора бы
детишек заводить...
Детишек любим все мы.
Как хлынет в дом весна!
Но все-таки
проблема
мерещилась одна...
Какая же! Какая!
И есть ли в ней резон!
Работа
неплохая,
квартира
неплохая,
санузел разделен!
За зорькой зорька мерила,
тянулась жизнь, как сон.
Она смотрела в зеркало,
и в телеящик он.
Вот снова о ребенке
он стал ей намекать.
— Послушай, а...
пеленки!
Кому стирать пеленки!
Ты будешь помогать!
— Пеленки!!.
Цель другая
есть в жизни у меня!

Смеешься, дорогая!
Пеленки и...
и я!
Ты знаешь, чем я занят,
мои дела, мечты!
Пеленки,
это — маме,
а мамой
будешь
ты...
Жена сказала тонко:
— А палой ты! И сядь!
Так ты меня к пеленкам
желаешь
привязать!
Ах, как ты мыслишь жалко!
И вот моя судьба!
Что я тебе — служанка!
Что я тебе — раба!
Не ценишь интеллекта
ты моего... Нахал!
А знаешь ты,
что некто
мне кое-то предлагал...
Я дура! Не иначе!
На что уйдут года!
Имела бы в придачу
все, что хочу, и дачу...
А ты мне стирку!! Да!!
Такой вот диспут звонкий,
среди других забот,
«Кому стирать пеленки!»
идет который год.
Идет все тише, тише...
Ну, а чего шуметь!
Сначала ведь
детишек
не грех бы заиметь!
Жизнь все сама расставит,
определит вполне,
и маму не оставит
и папу не оставит
от дела в стороне...

Но годы катят грозно,
упреками полны...
Затихли споры.
Поздно!
Пеленки не нужны...

— Примерзли...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

го, самого хлипкого крепыша, и то остается девять человек. А если жребий сведет меня вон с тем человеком-горой? Да тот за полминуты сделает из меня чучело с опилками.

Вскоре нас запустили в зал. Вышел тренер весь в белом: белые тапочки, белые брюки, белая рубашка, белый ремешок от часов — я в жизни не видел такого белого человека — и сказал:

— Полчаса разминка.

Все разделись и молча принялись наскакивать друг на друга. Тренер же сел за стол, положил перед собой тетрадку, достал секундомер и щелкает, щелкает им, а сам потихоньку поглядывает на нас. Стало мне любопытно, чего это он там щелкает да поглядывает. Прошелся ненароком вблизи. Вижу, в тетрадке все наши фамилии, а против фамилий все цифры, цифры.

Понятно... Он же присматривается к нам. Конкурс — это так, фикция. Здесь возможны всякие случайности: человек напряжен, следит за собой, скрывает свои недостатки. А сейчас, когда мы уверены, что за нами никто не наблюдает, мы стали сами собой, расслабились, потеряли бдительность, распустили нюни. Выбирай кого хочешь. Все как на ладони. До чего же этот белый тренер хитрый парень!

Ну, думаю, как хорошо, что я тебя раскусил. И решил не терять ни секунды. Оглядел зал. Вижу: возле меня человек-гора разминается. Играет мускулами, дышит усиленно, кровью весь налился. Разбегаюсь я и изо всей силы врезаюсь человеку-горе головой в живот. Тот чуть качнулся и спрашивает:

— Ты что, чокнутый?

Думал, значит, что я это по ошибке врезался. И опять играет мускулами, дышит усиленно.

Второй момент я выбрал более удачный. Дождался, пока человек-гора присядет на корточки, опять разбежался и как сигану ему на спину. Гора, здоровенный же человечище, лишь качнулся вперед и слегка достал руками пол. Но ничего, не вышел из себя. Лишь сказал:

— Разминайся подальше, хлюпик.

Глянул я искоса на тренера, а тренер тоже искоса за мной наблюдает: заметил, значит, мои наскоки.

Отдышался я и опять слежу за человеком-горой, удобного момента дожидаюсь. Наконец дождался: Гора одну ногу поставил на скамейку, другую оттопырил как можно дальше и старается пол через скамейку достать. Лучшего и не придумаешь. Разбежался я, со всего маху обхватил оттопыренную ногу и помчался с ней в сторону. От неожиданности человек-гора загрохотал наземь. Ну и рассвирепел он! Схватил меня, как щенка, и запустил в дальний угол. А сам набычился и кулаком мне погрозил: рассердился, значит.

Тут тренер манит меня пальцем. Подхожу, потираю ссадину на локте.

— Зеленки дать? — спрашивает тренер.

— На что она? Мы люди привычные,— отвечаю.

— Вдруг инфекция попалась.

— Я противоинфекционный.

— Шустёр на язык,— говорит тренер.— Ты, парень, не в свою весовую категорию лезешь. Чего ты к Дробышеву привязался? Найди себе, кто пощуплее, и разминайся с ним.

— Тяжело в учении, легко в бою,— говорю.

Отошел и вижу, что теперь тренер глаз с меня не спускает. «Ну,— думаю,— заглотал живца». А Гора уже кончил упражнения делать, перешел к бегу. Пробегает мимо меня, а я возьми да сковырнись ему под ноги. Гора так и растянулся чуть ли не поперек всего зала. Вскочил, трясется весь.

— Ты что ко мне лезешь? — кричит, а сам мне руки-ноги выворачивает, как кузнечику, мутузит кулаками. Еле отбили. Упал я на ковер, едва лапками шевелю, а Гора все сердится, все наскакивает.

— Это псих! — кричит.— Его надо изолировать!

Теперь Гора принял все меры предосторожности, и мне ни разу не удалось застать его врасплох. Я просто бежал на Гору трусцой, выставив вперед кулаки. Гора хватал меня за шкирку и кидал в дальний угол. Я вставал, отряхивался от угловой пыли и снова бежал, выставив кулаки. И так раз десять, пока тренер действительно не изолировал меня, посадив на скамейку.

К концу разминки пришел другой тренер, весь в черном: черные брюки, черная рубашка, черные тапочки и черный ремешок от часов. Я в жизни не видел такого черного человека. Вдвоем с белым они склонились над тетрадкой и принялись шептаться и щелкать секундомерами. Потом подняли головы и уставились на меня. Я понял, что разговор идет обо мне, и навострил уши, но слышимость была слабая из-за хруста костей и уханья разминавшегося рядом Горы. Я лишь расслышал два слова: «Страшно моторный».

В общем, меня приняли в секцию борьбы. Через три года я стал чемпионом Европы. Та девушка — моя жена. Человек-гора, мой закадычный друг Вася Дробышев, был шафером на свадьбе.

Сатира в бою

ПАРТИЗАНСКАЯ ДУБИНКА

В партизанских соединениях, действовавших на оккупированных фашистскими войсками советских территориях, подчас в глубоком вражеском тылу, выходили в свет свои газеты, боевые листовки, сатирические листки. «Партизанская дубинка» — один из таких сатирических листков, издавался он регулярно в виде приложения к газете «За свободную Белоруссию».

«Дубинка» эта беспощадно дубасила оккупантов и их прислешников, держала в страхе карателей из зондеркоманд. Мы публикуем некоторые материалы, в свое время напечатанные в этом боевом сатирическом листке, а также в других изданиях партизанского края.

ПАРТИЗАНСКИЕ ЧАСТУШКИ

Ах вы, елочки-сосеночки,
Березки белые.
Записались в партизаны
Ребятишки смелые.

Партизанка моя мать,
И отец мой партизан,
И сама я партизанка,
На боку ношу наган.

Как у нашей Дуни ленты
Яркие да модные,
Не из шелка и атласа —
Ленты пулеметные.

Тройка за тройкой — десять упряжек — неслись по дороге. Все там гремело, пело, гудело. Заливались гармошки, скрипки. Развевались в конских гривах цветные ленты, парусом надувались вышитые сорочки, пестрели расшитые полотенца сватов и дружков.

Дед Архип управлял передней тройкой. Жмурясь на солнце, он изредка поглядывал на невесту, сидевшую за его спиной. Невеста была как невеста: в белоснежной фате, с венком на голове, с букетиком восковых цветов на груди. Сидела прямо, крепко держась за сиденье на крутых поворотах, и часто подмигивала деду густо подведенными ресницами. Дед яростно сопел и, косясь на необычайно пышную невестину грудь, яростно сплевывал.

— Эх ты, лихо комарное, не соблюли пропорцию... Такою грудью бы молотить...

Весь свадебный кортеж мчался в грохоте, в пыли, заливаясь колокольцами, залихватскими песнями, гармошкой. Гитлеровский часовой растерянно метнулся в сторону, никак не соображая, что же ему делать в этом никакими инструкциями не предусмотренном случае.

Уже въезжали в село. Высыпавшие из многих дворов дети бежали следом, крича на все голоса:

— Свадьба едет! Свадьба, свадьба!

Выбегали бабы, девчата. Выходили из ворот оккупанты и, провожая взглядом веселый кортеж, подмигивали друг другу:

— Русс женится...

Услыхав веселый трезвон, вышли на улицу и несколько офицеров из штаба.

Передняя тройка на всем скаку круто развернулась и как вкопанная остановилась возле церкви, прямо напротив штаба. Привстав на передке, дед гаркнул во всю глотку:

— Музыканты! Свадебный марш!

Михас

ТР

ТРО

И удивительно вопреки команд мошки, только кольцы на неско почему-то кинули огороды. Насту тишину внезапно совнтая дробь хлебываясь, бь прямо из-под с же рванули во взрывы — несколь гранат разнесли крышу штабного ввязались в дело

Что-то несус улице. Бегом во бы и девушки по ной свадьбы, кнулись кто ку ротиям...

Роиня внито даясь от мунд фашисты. Но уйт лось.

А возле штаба офицеров подпо бежать по улице вдруг проявила

В мгновение ок

долг платежом красен

Днем фашист сказал крестьянам: «Шапку с головы долой!»

Ночью отдал партизанам Каску вместе с головой.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ, Окно ТАСС. 1942 г

Партизан: — Вот задача... Не знаю, что мне с вами делать. Сначала закурить, а потом вас в плен брать, или взять в плен, а потом закурить?

— Стой, не стреляй! Это же свой чел известный грабитель. Из него получ дежный бургомистр.

В гуще леса, на полянке,
Партизанский лагерь наш.
Многим по сердцу землянки,
Лично я люблю шалаш.

Я отстроился неплохо:
Пирамидой — семь колов,
Сверху слой лозы
и моха,—
Партизанский дом готов!

Анатоль АСТРЕЙКО

мое жилье

Меблировка в нем отменна:
Подобрал жердинок пять,
А на них охапку сена,
Чтоб не жестко было спать.

Все идет по распорядку.
Если дождь мешает сну,

...ЛЫНЬКОВ

...ЙКА
...ЗА
...ЙКОЙ

...дело: будто нарочно
...разом умолкли гар-
...слышались еще коло-
...их тройках, которые
... в боковую улицу, на
...шую на мгновение
...прорезала густая, ба-
...емета. Пулемет, за-
...с передней тройки,
...нья невесты. И тут
...х гулкие, тяжелые
... метко брошенных
...разворотили стены и
...ома. Одновременно
...автоматы, винтовки...
...ное поднялось на
...ю мочь мчались ба-
...льше от этой страш-
...шки, как воробьи,
...по дворам и подво-

... на бегу освобож-
... удирали огородами
...икому из них не уда-

...уцелевший из группы
...вник кинулся было
...Заметив это, невеста
...необычайную прыть.
...спрыгнула с повоз-

ки и, забыв о всякой пристойности, высоко задрала свое подвенечное платье— из-под него видны были добротные галифе и довольно крупные сапоги,— коршуном бросилась вслед за офицером. Миг, другой — и вот она уже вцепилась в беглеца...

Что тут было! Дед Архип даже глаза зажмурил от страха за невестин наряд. Ее фата изорвалась, сбился набок венок. Одна грудь неожиданно оторвалась и шлепнулась в придорожную пыль, за ней упала и вторая. Дед крякнул:

— Господи боже, вся краса девичья пропадает! Говорил же черту этому, чтобы привязал покрепче...— И, передав кому-то лошадей, кинулся на помощь невесте. Но та уже вела навстречу подполковника, крепко скрутив ему руки.

Бой давно кончился. Сортировали по тройкам пленных, грузили захваченные трофеи, оружие. Пленного подполковника дед отослал на самую последнюю тройку, чтобы, как он выразился, не портить свадебную музыку.

Тем временем невеста успела полностью разоблачиться, сдать деду подвенечный наряд. Старик растерянно поглядел на жалкие остатки свадебного убранства—платье было разодрано, одного рукава не оказалось вовсе — и, решительно отодвинув все это, с отчаянием сказал «невесте»:

— Так что ты уж сам, Данила, отдашь это моей старухе. Не я надевал, не я рвал. Поди поговори теперь с ней, попробуй. Это тебе не с оккупантами жениться...— И, горестно вздохнув, взялся за вожжи.

— По коням! — скомандовал Данила, командир партизанский.

Перевел с белорусского
О. ЯНОВ.

Фриц: — Выходит, наши головы оценены по рублю за штуку.
Ганс: — Как так?
Фриц:— А так. Партизан Данила вчера уничтожил как раз триста наших солдат.

...ек —
...ся на-

Я над ложем плащ-палатку
Балдахином растяну.

Отдых дам и автомату,—
Завтра ж нам фашистов бить!..
Вот добьем — шалаш на хату
Обменяю, так и быть.

Перевел с белорусского

В. Корчагин.

Александр
ТВАРДОВСКИЙ

Сморчки

Доложили Даниле
На походе чуть свет:
По тропе за отрядом
Немец движется вслед.
Зная вражью повадку
Выходить, так гуртом,
Дед спросил для порядку,
Сколько немца числом.
Внук Данилы —
разведчик,—
Взяв к ноге карабин,
Отвечает по форме:
— Немец счетом один.
И тогда дед Данила
Молвит хлопцам своим:
— Не во вред бы нам было
Взять фашиста живым.
И велит им без шума
Захватить «языка»,
В крайнем случае разве
Двинуть в душу слегка.
— Все понятно? — Понятно.
Хлопцы с места — в обход.
Скоро ль будут обратно?
Дед кисет достает...
Только трубку наладил,
Да кресало, да трут,
Глядь, спокойно
и чинно
Хлопцы немца ведут.
Руку правую — кверху,
Левой — держит штаны:
До того, на поверку,
Отощал до весны!
До того неопрятен,
Неприглядем и худ!
И одно повторяет,
Что «капут» да «капут».
Но забава забавой,
А с того «языка»
Речи столько же здравой,
Что с козла молока.
Отмахнулся Данила:
— Погоди-ка ты, шут,
Это знали мы раньше,
Что придет вам капут.
А скажи-ка иное,
Да всю правду,
как есть.
За какою нуждою
Очутился ты здесь?
Немец деду подробно
Объясняет так-сяк,
Где словечко подыщет,
Где придумает знак,—
Словом, сам неповинен,
Проклинает войну
И желал бы отныне
Поместиться в плену.
Покосился Данила:
— Ох ты, сукин ты сын,
Так вот я и поверил,
Что в лесу ты один!..
Немец вдруг улыбнулся,
Головой закивал
И на пальцах
двенадцать —
Пять и семь — показал.
И ручищи покорно
Он скрестил на груди...
— Ну-ка, хлопцы, проворно!
Ну-ка, немец, веди...
Врассыпную за дедом
Поспевает отряд.
Наготове оружье,
Зорок глаз у ребят.
Не успел провожатый
Указать поворот,
Как рванулись ребята
Прямо к месту — вперед.
Невдали от тропинки,
На полянке лесной,
Кучкой немцы сидели,
Как грибы под сосной.
Видно, солнце пригрело,
Видно, зуд нестерпим:
Занимаются делом
Вошебойным своим.
Чуть завидели наших,
Автоматы кладут,
И у всех наготове
Тот же лозунг:
«Капут!»
Дед считает: двенадцать —
С бору с сосенки сброд:
— В плен собрались
сдаваться,
Ждете, плен и вам придет?
А не много ли чести
Вас искать по кустам?
Воевали на фронте —
В плен просились бы
там...
Тут один колченогий
К деду руки простер:
— Мы еще по дороге...
— Ну, другой разговор.
Словом, нынешний воин —
Сопляки, старички.
— Что ж, в колонну
по двое
Стройся живо, сморчки!

Он привык во всех гостиных
Полонять берлинских дам.

А коснулося Марины —
Тотчас в плен попался сам.

Максим ТАНК

НЕОБЫЧНЫЙ ОТЧЕТ

Случилось это в селе Н., находившемся неподалеку от расположения гитлеровского гарнизона. Село это оккупанты считали «своей зоной», и почти каждый день туда приезжали эсэсовцы. За этой зоной почти на двадцать километров лежала земля, где на дорогах то и дело встречались надписи: «Осторожно! Заражена партизанами!» Скорее всего это была ничья земля: большинство сел было выжжено фашистами, и сюда редко кто заглядывал. Далее лежали озера Вилейщины, леса и болота, где действовали партизаны под командованием Федора Рыгоровича, за голову которого немцы уже несколько раз объявляли награду.

Однажды поутру крестьяне села Н. заметили на дороге подводу. Пара гнедых лошадок тащила какую-то допотопную, уныло дребезжащую колымажку, в которой некогда разъезжали помещичьи экономы и другие их прислужники. На телеге сидели трое в немецких мундирах. Крестьяне, все время наблюдавшие за подводой, молча стали расходиться по хатам. Один только староста да несколько полицейских остались на улице, чтобы приветствовать гостей.

— Гутен таг панам! — отвесил им низкий поклон староста.

Один из прибывших, в чине немецкого полковника, буркнул что-то одному из своих подчиненных, и тот начал на ломаном белорусском языке объяснять старосте: мол, господин полковник очень рад, что в этом селе его встречают представители нового порядка и что он, пока отдохнут лошади, хотел бы поговорить с крестьянами.

— Ну, скорей, скорей собирайтесь! — подгонял жителей староста.— Господин полковник приказал, чтобы через десять минут все были на месте. А для того, кто опоздает, шомполов не пожалеет.

Человек, которого староста назвал полковником, тем временем молча прохаживался возле дома старосты. Два его автоматчика, предварительно подбросив сена лошадям, стояли на улице. Народу собралось много.

— Почти все пришли. Только двух хозяев нет, они еще с обоза не вернулись,— доложил староста.

— Гут,— ответил немец, который, видать, и без переводчика понимал белорусский язык. Он поднялся на высокий балкон, чтобы всех мог видеть, снял фуражку, и тут произошло то, чего ни староста, ни крестьяне — никто не мог ожидать.

— Ну, что ж, не узнаете меня, соседи? — спросил он по-белорусски.— Я приехал к вам как депутат Верховного Совета, которого вы в свое время выбрали от своего округа, приехал, чтобы дать вам отчет о своей работе.

Отовсюду послышались радостные возгласы:

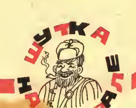
— Так это ж Федор Рыгорович!

— Наш депутат!

К сотни рук приветственно потянулись к своему депутату.

Только поздно вечером Федор Рыгорович выехал из села. Он возвращался в свой отряд в большой компании. Следом за его тележкой дребезжала бричка старосты. Сам староста и еще какой-то зондерфюрер, случайно очутившийся в селе и которого крестьяне захватили в плен, ехали со связанными руками. А по обочинам лесной дороги, ведущей в партизанский лагерь, шло новое пополнение — человек двадцать молодых хлопцев, вступивших в тот день в один из партизанских отрядов, которым командовал их депутат Федор Рыгорович.

Перевел с белорусского
Ян ОСТРОВСКИЙ.

НЕКРИМИНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Г. МАРЧИК, специальный корреспондент Крокодила

Дул ветер. Море штормило. Над городом плыли сизые тучи с рваными краями. На вершинах голых платанов горланило воронье. В самый канун нового, 1975 года всю мыслящую Ялту взбудоражило необычайное происшествие—исчез Леонид Антонович К., широко известный в городе человек.

Был создан штаб по спасению Л. А. К.

В горы вышли группы спасателей. Море бороздили быстроходные катера. Окрестности прочесывали добровольные патрули. Была поставлена на ноги вся милиция, а также местные отделения спасания на водах, пожарников, охотников, рыболовов и охраны природы. Увы, все оказалось тщетным.

— Нигде нету! — наконец доложили они начальнику штаба.

— Точно нету? Вы уверены в этом? — озабоченно переспросил он.

— Так точно! — ответили искатели.— Уверены как сами в себе.

— Ну и слава богу! — облегченно вздохнул начальник штаба и вытер лоб белоснежным носовым платком.— А теперь идите, идите... Займитесь своими делами.

Когда все удалились из просторного кабинета, он негромко молвил, как бы раздумывая вслух: «Исчез, и хорошо. Все равно ему не дали бы здесь спокойно работать и жить. Да и нам одни неприятности...»

Красавица Ялта вновь зажила своей обычной жизнью. Утром из-за горизонта выкатился раскаленный желток солнца. Празднично заискрились присыпанные снежком вершины окрестных гор, нестерпимо заблестели тысячи гребешков синего моря.

Мимо вечнозеленых кипарисов и лавров степенно шли на процедуры отдыхающие базового санатория имени Куйбышева. И никому из них не было никакого дела до того, что исчез Леонид Антонович К., еще вчера возглавлявший этот самый санаторий.

Признаемся сразу в маленьком преувеличении. Поисковых групп не было, штаба тоже не было. Но Л. А. действительно спасали. Впрочем, все по порядку.

ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ...

Она, как и грипп, не милует ни министров, ни поэтов. Пал ее жертвой и Л. А., главный врач санатория имени Куйбышева. До роковой встречи с ней стремительно вверх взмывала кривая его карьеры: врач «Артека», инструктор Ялтинского горкома, главный врач крупного санатория.

С энтузиазмом молодости и самоуверенностью удачливого полководца взялся он за работу. На сотрудников посыпались взыскания. Но дела санатория почему-то не улучшались. Напротив — покатились вниз и дисциплина, и культура обслуживания отдыхающих, и хозяйственные показатели, ухудшилась и работа пищеблока.

Любовь явилась в образе нового секретаря — невысокой двадцатипятилетней женщины с круглым лицом, чуть вздернутым носом, прямым, уверенным взглядом карих глаз. Вначале все было чинно и пристойно, и отношения между шефом и его секретарем складывались так же, как и у тысяч других начальников и подчиненных,— деловые и корректные. Таня Б. отвечала на звонки, выслушивала посетителей, печатала приказы, подшивала бумаги. Все было хорошо до той самой минуты, когда однажды в октябре 1972 года Л. А. чуть пристальней вгляделся в миловидное лицо секретаря и сердце его дрогнуло в неподдельном радостном испуге: «Это она, желанная!» Как ни боролся Л. А. с нахлынувшим чувством, устоять ему не удалось.

«Причиной наших отношений явилась обоюдная симпатия и естественная реакция: понимание друг друга в психологическом отношении, обоюдное содействие в работе. Большую часть суток мы находились вместе. Я почувствовала, что Л. А. очень сильный товарищ (в моральном отношении), правдивый и очень честный. Все это неосознанно подвело к близким отношениям». (Из письма Татьяны Б.)

Первой жертвой большой любви Шефа пал муж Тани — Юра, работавший в том же санатории электриком. По простоте душевной он не понимал, какое всепоглощающее чувство овладело сердцем Л. А., обижался, скандалил и всячески мешал влюбленным. Посыпались один за другим «обоснованные» выговоры, и Юра был изгнан из санатория и одновременно из сердца Тани. Молодая семья на глазах всех разломалась, как в шторм ломается и идет ко дну корабль.

Ничто теперь не мешало влюбленным.

Таня смело входила в кабинет своего Шефа, их взгляды встречались, и между ними словно бы пробегал электрический ток.

«Я настолько увлеклась и полюбила Л. А., что отказалась от всего земного. На протяжении двух лет сижу и жду «сигнала», когда тов. К. сможет выехать со мной за пределы Ялты или в лес на свидание, подальше от жены, детей и общественности». (Из письма Татьяны Б.)

Говорят, слишком пылкая любовь между начальником и подчиненным мешает работе. Какая чепуха!

Л. А. решил любой ценой вывести санаторий в число самых лучших. И ради этой благородной цели не гнушался никакими средствами. Раздавал путевки нужным людям, что-то списывал, что-то приписывал...

Скажем прямо — любовь здесь была ни при чем. Разве она заставила Л. А. незаконным образом реализовать всего за один год десятки путевок? Или использовать для покрытия допущенных перерасходов средства застройщиков специального назначения? И получать денежные премии?

Секретарь стала сильной личностью. Даже ближайших сотрудников и тех без доклада не пускала в кабинет Шефа. Покрикивала на них. Что уж говорить о прочем персонале! Ей улыбались, перед ней заискивали. Во время самых серьезных бесед она стояла за спиной главного врача. Со снисходительной улыбкой он кивал посетителю: «Таня не помешает. Она свой человек».

Были, конечно, и неудобства. Мало ли вокруг людей, которые хотели превратно истолковать их отношения, опошлить, отравить ядом злопыхательства: дескать, а как же всякие там нормы и правила, принятые в нашем обществе?!

Вот и приходилось таиться, прибегать к разным недостойным уловкам — записочкам, условным телефонным звонкам, полотенцам, вывешенным в окне.

— Ты единственный надежный помощник! — говорил Шеф за дружеской трапезой в своем кабинете секретарю.— Ты моя единственная отрада.

— А жена? Дети?

— Что жена?! Жена это так. Привычка. С женой меня связывают только дети.

— А со мной?

— С тобой другое.

— А если бы на моем месте оказалась другая?

— Гм! Другая?! Нет, другую я бы не полюбил,— подумав, уверенно заявил Л. А.

— Все уже знают о наших близких отношениях. Ты не боишься молвы? Люди говорят...

— Я чистый, честный человек,— раздраженно перебил ее Шеф.— На голову выше их всех. Они просто завидуют мне. Придумали новый метод морально убивать — каждый может писать, жаловаться, кляузничать. А мы с тобой всех перехитрим. Я поведу тебя и жену в ресторан — пусть они увидят нас вместе и подавятся собственными языками.

В ресторане Л. А. разлил в хрустальные бокалы шампанское и торжественно провозгласил: «За дружбу и взаимопонимание!»

Таня улыбалась как победительница международного турнира фигуристок. Жена Л. А. поставила на место свой бокал и, повернувшись к ней, сказала:

— А знаете что, хватит ломать эту комедию. Забирайте-ка вы его себе. Довольно с меня, что я кормлю и обстирываю двоих детей...

Таня мучительно покраснела и поспешно выскочила из-за стола...

УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ...

Л. А. гнал посетителей в двери, они лезли в окно. Не успевал он заткнуть одну брешь в хозяйстве, как появлялась другая. Приходилось идти на некоторые комбинации.

«До чего придирчивыми стали люди,— думалось иногда Л. А.— Готовы тыкать в глаза даже денежной премией. Не признают руководящего авторитета, до хрипоты спорят при распределении жилья, критикуют в глаза и за глаза. Вот-де больше двухсот человек ушло. Ну и что? Сами попробовали бы работать с таким контингентом. Только и знают, что суют свой нос в чужие дела...»

Одна была отрада — махнуть с милым Танечком в отпуск, или на служебной машине куда-нибудь на лоно природы, или в Симферополь, чтобы отвести душу...

Однако пусть не спешат чувствительные люди: «Какая глубокая красивая Любовь!» Глубина ее оказалась под стать глубине дождевой лужи, а красота — сродни разве что мухомору.

Очередной выговор курортного Совета за служебные грехи заставил Л. А. крепко задуматься. Таня все чаще заставала своего Шефа в позе роденовского мыслителя. Все чаще приходили на ум главному врачу разные мрачные мысли. И вот однажды внутренний голос отчетливо сказал ему: «Шабаш! Хватит!»

— А как же я? — спросила любимый секретарь.

— Ты уйдешь по собственному желанию,— твердо ответил Л. А.— Время сгладит горечь разлуки. Ты найдешь другого начальника и полюбишь его. Он обеспечит тебя и работой и комнатой.

— По собственному я не уйду,— сказала женщина.— Я согласна расстаться. С тобой. Но не с комнатой и санаторием.

— Поживем — увидим,— многозначительно сказал Л. А.

С этого рокового разговора и началось раздвоение цельной натуры главного врача. Днем недрогнувшей рукой он писал выговор своему секретарю, а вечером бежал к ней на свидание.

Никто не знал и не ведал, как ему трудно, как он переживает, мучается, страдает. Он не находил себе места, плохо спал, потерял аппетит... Мучительные, горькие раздумья не покидали Л. А.: «Какой она все-таки эгоистичный человек, почему не понимает, что губит мою карьеру».

За первым выговором последовал второй...

Но эта упрямица не сдавалась.

Сатира в бою

ПАРТИЗАНСКАЯ ДУБИНКА

В партизанских соединениях, действовавших на оккупированных фашистскими войсками советских территориях, подчас в глубоком вражеском тылу, выходили в свет свои газеты, боевые листовки, сатирические листки. «Партизанская дубинка» — один из таких сатирических листков, издавался он регулярно в виде приложения к газете «За свободную Белоруссию».

«Дубинка» эта беспощадно дубасила оккупантов и их приспешников, держала в страхе карателей из зондеркоманд. Мы публикуем некоторые материалы, в свое время напечатанные в этом боевом сатирическом листке, а также в других изданиях партизанского края.

Михась ЛЫНЬКОВ

ТРОЙКА ЗА ТРОЙКОЙ

Тройка за тройкой — десять упряжек — неслись по дороге. Все там гремело, пело, гудело. Заливались гармошки, скрипки. Развевались в конских гривах цветные ленты, парусом надувались вышитые сорочки, пестрели расшитые полотенца сватов и дружков.

Дед Архип управлял передней тройкой. Жмурясь на солнце, он изредка поглядывал на невесту, сидевшую за его спиной. Невеста была как невеста: в белоснежной фате, с веноком на голове, с букетиком восковых цветов на груди. Сидела прямо, крепко держась за сиденье на крутых поворотах, и часто подмигивала деду густо подведенными ресницами. Дед яростно сопел и, косясь на необычайно пышную невестину грудь, яростно сплевывал.

— Эх ты, лихо комариное, не соблюли пропорцию... Такою грудью бобы молотить...

Весь свадебный кортеж мчался в грохоте, в пыли, заливаясь колокольцами, залихватскими песнями, гармошкой. Гитлеровский часовой растерянно метнулся в сторону, никак не соображая, что же ему делать в этом никакими инструкциями не предусмотренном случае.

Уже въезжали в село. Высыпавшие из многих дворов дети бежали следом, крича на все голоса:

— Свадьба едет! Свадьба, свадьба!

Выбегали бабы, девчата. Выходили из ворот оккупанты и, провожая взглядом веселый кортеж, подмигивали друг другу:

— Русс женится...

Услыхав веселый трезвон, вышли на улицу и несколько офицеров из штаба.

Передняя тройка на всем скаку круто развернулась и как вкопанная остановилась возле церкви, прямо напротив штаба. Привстав на передке, дед гаркнул во всю глотку:

— Музыканты! Свадебный марш!

И удивительное дело: будто нарочно вопреки команде разом умолкли гармошки, только переливались еще колокольцы на нескольких тройках, которые почему-то кинулись в боковую улицу, на огороды. Наступившую на мгновение тишину внезапно прорезала густая, басовитая дробь пулемета. Пулемет, захлебываясь, бил с передней тройки, прямо из-под сиденья невесты. И тут же рванули воздух гулкие, тяжелые взрывы — несколько метко брошенных гранат разнесли, разворотили стены и крышу штабного дома. Одновременно ввязались в дело автоматы, винтовки...

Что-то несусветное поднялось на улице. Бегом во всю мочь мчались бабы и девушки подальше от этой страшной свадьбы, детишки, как воробьи, кинулись кто куда по дворам и подворотням...

Роняя винтовки, на бегу освобождаясь от мундиров, удирали огородами фашисты. Но уйти никому из них не удалось.

А возле штаба уцелевший из группы офицеров подполковник кинулся было бежать по улице. Заметив это, невеста вдруг проявила необычайную прыть. В мгновение ока спрыгнула с повозки и, забыв о всякой пристойности, высоко задрала свое подвенечное платье — из-под него видны были добротные галифе и довольно крупные сапоги,— коршуном бросилась вслед за офицером. Миг, другой — и вот она уже вцепилась в беглеца...

Что тут было! Дед Архип даже глаза зажмурил от страха за невестин наряд. Ее фата изорвалась, сбился набок венок. Одна грудь неожиданно оторвалась и шлепнулась в придорожную пыль, за ней упала и вторая. Дед крякнул:

— Господи боже, вся краса девичья пропадает! Говорил же черту этому, чтобы привязал покрепче...— И, передав кому-то лошадей, кинулся на помощь невесте. Но та уже вела навстречу подполковника, крепко скрутив ему руки.

Бой давно кончился. Сортировали по тройкам пленных, грузили захваченные трофеи, оружие. Пленного подполковника дед отослал на самую последнюю тройку, чтобы, как он выразился, не портить свадебную музыку.

Тем временем невеста успела полностью разоблачиться, сдать деду подвенечный наряд. Старик растерянно поглядел на жалкие остатки свадебного убранства—платье было разодрано, одного рукава не оказалось вовсе — и, решительно отодвинув все это, с отчаянием сказал «невесте»:

— Так что ты уж сам, Данила, отдашь это моей старухе. Не я надевал, не я рвал. Поди поговори теперь с ней, попробуй. Это тебе не с оккупантами жениться...— И, горестно вздохнув, взялся за вожжи.

— По коням! — скомандовал Данила, командир партизанский.

Перевел с белорусского
О. ЯНОВ.

Александр ТВАРДОВСКИЙ

Сморчки

Доложили Даниле
На походе чуть свет:
По тропе за отрядом
Немец движется вслед.
Зная вражью повадку
Выходить, так гуртом,
Дед спросил для порядку,
Сколько немца числом.
Внук Данилы —
разведчик,—
Взяв к ноге карабин,
Отвечает по форме:
— Немец счетом один.
И тогда дед Данила
Молвит хлопцам своим:
— Не во вред бы нам было
Взять фашиста живым.
И велит им без шума
Захватить «языка»,
В крайнем случае разве
Двинуть в душу слегка.
— Все понятно? — Понятно.
Хлопцы с места — в обход.
Скоро ль будут обратно?
Дед кисет достает...
Только трубку наладил,
Да кресало, да трут,
Глядь, спокойно
и чинно
Хлопцы немца ведут.
Руку правую — кверху,
Левой — держит штаны:
До того, на поверку,
Отощал до весны!
До того неопрятен,
Непригляден и худ!
И одно повторяет,
Что «капут» да «капут».
Но забава забавой,
А с того «языка»
Речи столько же здравой,
Что с козла молока.
Отмахнулся Данила:
— Погоди-ка ты, шут,
Это знали мы раньше,
Что придет вам капут.
А скажи-ка иное,
Да всю правду,
как есть.
За какою нуждою
Очутился ты здесь?
Немец деду подробно
Объясняет так-сяк,
Где словечко подыщет,
Где придумает знак,—
Словом, сам неповинен,
Проклинает войну
И желал бы отныне
Поместиться в плену.
Поносился Данила:
— Ох ты, сукин ты сын,
Так вот я и поверил,
Что в лесу ты один!..
Немец вдруг улыбнулся,
Головой закивал
И на пальцах
двенадцать —
Пять и семь — показал.
И ручищи покорно
Он скрестил на груди...
— Ну-ка, хлопцы, проворно!
Ну-ка, немец, веди...
Врассыпную за дедом
Поспевает отряд.
Наготове оружье,
Зорок глаз у ребят.
Не успел провожатый
Указать поворот,
Как рванулись ребята
Прямо к месту — вперед.
Невдали от тропинки,
На полянке лесной,
Кучкой немцы сидели,
Как грибы под сосной.
Видно, солнце пригрело,
Видно, зуд нестерпим:
Занимаются делом
Вошебойным своим.
Чуть завидели наших,
Автоматы кладут,
И у всех наготове
Тот же лозунг:
«Капут!»
Дед считает: двенадцать —
С бору с сосенки сброд:
— В плен собрались
сдаваться,
Ждете, плен к вам придет?
А не много ли честь
Вас искать по кустам?
Воевали на фронте —
В плен просились бы
там...
Тут один колченогий
К деду руки простер:
— Мы еще по дороге...
— Ну, другой разговор.
Словом, нынешний воин —
Сопляки, старички.
— Что ж, в колонну
по двое
Стройся живо, сморчки!

ПАРТИЗАНСКИЕ ЧАСТУШКИ

Ах вы, елочки-сосеночки,
Березки белые.
Записались в партизаны
Ребятишки смелые.

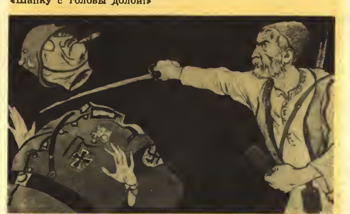
Партизанка моя мать,
И отец мой партизан,
И сама я партизанка,
На боку ношу наган.

Как у нашей Дуни ленты
Яркие да модные,
Не из шелка и атласа —
Ленты пулеметные.

долг платежом красен

Днем фашист сказал крестьянам:
«Шапку с головы долой!»

Ночью отдал партизанам
Каску вместе с головой.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ, Окно ТАСС. 1942 г

Партизан: — Вот задача... Не знаю, что мне с вами делать. Сначала закурить, а потом вас в плен брать, или взять в плен, а потом закурить?

— Стой, не стреляй! Это же свой человек — известный грабитель. Из него получится надежный бургомистр.

Фриц: — Выходит, наши головы оценены по рублю за штуку.
Ганс: — Как так?
Фриц:— А так. Партизан Данила вчера уничтожил как раз триста наших солдат.

Анатоль АСТРЕЙКО

мое жилье

В гуще леса, на полянке,
Партизанский лагерь наш.
Многим по сердцу землянки,
Лично я люблю шалаш.

Я отстроился неплохо:
Пирамидой — семь колов,
Сверху слой лозы
и моха,—
Партизанский дом готов!

Меблировка в нем отменна:
Подобрал жердинок пять,
А на них охапку сена,
Чтоб не жестко было спать.

Все идет по распорядку.
Если дождь мешает сну,
Я над ложем плащ-палатку
Балдахином растяну.

Отдых дам и автомату,—
Завтра ж нам фашистов бить!..
Вот добьем — шалаш на хату
Обменяю, так и быть.

Перевел с белорусского
В. Корчагин.

Он ...
Пол...

А к...
Тот...

Максим ...

НЕС...

Случило... находивше... от распол... ского гар... оккупанть... зоной», н... туда при... За этой зо... дцать ки... земля, где... дело встр... «Осторожн... тизанами!»... была ничь... ство сел б... шистами, ... заглядыва... озера Вил... лота, где д... заны под... дора Рыго... которого ... сильно р... граду.

Однажды... яне села ... роге подве... лошадок ... допотопну... жащую но... рой некогд... мещичьи ... их прислу... сидели т... мундирах. ... время наб... водой, мо... диться по... ко старос... полицейск... улице, чт... вать госте...

— Гутен... весил им... староста.

Один из ... не немец... буркнул ... своих под... начал на ... ском язык... росте: мо... новник о... этом селе... представит... ряда и чт... нут лошад... ворить с ...

— Ну, с... бирайтесь! ... телей ста... полновин ... через деся... ли на мест... опоздает, ... жалеет.

Человек, ... ста назва...

...АЯ

...Е ЧАСТУШКИ

...оя мать,
...ртизан,
...тизанка,
... наган.

Как у нашей Дуни ленты
Яркие да модные,
Не из шелка и атласа —
Ленты пулеметные.

...расен

...РЫНИКСЫ,
...СС. 1942 г

Михась ЛЫНЬКОВ

ТРОЙКА ЗА ТРОЙКОЙ

Тройка за тройкой — десять упряжек — неслись по дороге. Все там гремело, пело, гудело. Заливались гармошки, скрипки. Развевались в конских гривах цветные ленты, парусом надувались вышитые сорочки, пестрели расшитые полотенца сватов и дружков.

Дед Архип управлял передней тройкой. Жмурясь на солнце, он изредка поглядывал на невесту, сидевшую за его спиной. Невеста была как невеста: в белоснежной фате, с венком на голове, с букетиком восковых цветов на груди. Сидела прямо, крепко держась за сиденье на крутых поворотах, и часто подмигивала деду густо подведенными ресницами. Дед яростно сопел и, косясь на необычайно пышную невестину грудь, яростно сплевывал.

— Эх ты, лихо комариное, не соблюли пропорцию... Такою грудью бобы молотить...

Весь свадебный кортеж мчался в грохоте, в пыли, заливаясь колокольцами, залихватскими песнями, гармошкой. Гитлеровский часовой растерянно метнулся в сторону, никак не соображая, что же ему делать в этом никакими инструкциями не предусмотренном случае.

Уже въезжали в село. Высыпавшие из многих дворов дети бежали следом, крича на все голоса:

— Свадьба едет! Свадьба, свадьба!

Выбегали бабы, девчата. Выходили из ворот оккупанты и, провожая взглядом веселый кортеж, подмигивали друг другу:

— Русс женится...

Услыхав веселый трезвон, вышли на улицу и несколько офицеров из штаба.

Передняя тройка на всем скаку круто развернулась и как вкопанная остановилась возле церкви, прямо напротив штаба. Привстав на передке, дед гаркнул во всю глотку:

— Музыканты! Свадебный марш!

И удивительное дело: будто нарочно вопреки команде разом умолкли гармошки, только переливались еще колокольцы на нескольких тройках, которые почему-то кинулись в боковую улицу, на огороды. Наступившую на мгновенье тишину внезапно прорезала густая, басовитая дробь пулемета. Пулемет, захлебываясь, бил с передней тройки, прямо из-под сиденья невесты. И тут же рванули воздух гулкие, тяжелые взрывы — несколько метко брошенных гранат разнесли, разворотили стены и крышу штабного дома. Одновременно ввязались в дело автоматы, винтовки...

Что-то несусветное поднялось на улице. Бегом во всю мочь мчались бабы и девушки подальше от этой страшной свадьбы, детишки, как воробьи, кинулись кто куда по дворам и подворотням...

Роняя винтовки, на бегу освобождаясь от мундиров, удирали огородами фашисты. Но уйти никому из них не удалось.

А возле штаба уцелевший из группы офицеров подполковник кинулся было бежать по улице. Заметив это, невеста вдруг проявила необычайную прыть. В мгновенье ока спрыгнула с повозки и, забыв о всякой пристойности, высоко задрала свое подвенечное платье — из-под него видны были добротные галифе и довольно крупные сапоги, — коршуном бросилась вслед за офицером. Миг, другой — и вот она уже вцепилась в беглеца...

Что тут было! Дед Архип даже глаза зажмурил от страха за невестин наряд. Ее фата изорвалась, сбился набок венок. Одна грудь неожиданно оторвалась и шлепнулась в придорожную пыль, за ней упала и вторая. Дед крякнул:

— Господи боже, вся краса девичья пропадает! Говорил же черту этому, чтобы привязал покрепче...— И, передав кому-то лошадей, кинулся на помощь невесте. Но та уже вела навстречу подполковника, крепко скрутив ему руки.

Бой давно кончился. Сортировали по тройкам пленных, грузили захваченные трофеи, оружие. Пленного подполковника дед отослал на самую последнюю тройку, чтобы, как он выразился, не портить свадебную музыку.

Тем временем невеста успела полностью разоблачиться, сдать деду подвенечный наряд. Старик растерянно поглядел на жалкие остатки свадебного убранства — платье было разодрано, одного рукава не оказалось вовсе — и, решительно отодвинув все это, с отчаянием сказал «невесте»:

— Так что ты уж сам, Данила, отдашь это моей старухе. Не я надевал, не я рвал. Поди поговори теперь с ней, попробуй. Это тебе не с оккупантами жениться...— И, горестно вздохнув, взялся за вожжи.

— По коням! — скомандовал Данила, командир партизанский.

Перевел с белорусского
О. ЯНОВ.

Александр
ТВАРДОВСКИЙ

Сморчки

Доложили Даниле
На походе чуть свет:
По тропе за отрядом
Немец движется вслед.
Зная вражью повадку
Выходить так гуртом,
Дед спросил для порядку,
Сколько немца числом.
Внук Данилы —
разведчик, —
Взяв к ноге карабин,
Отвечает по форме:
— Немец счетом один.
И тогда дед Данила
Молвит хлопцам своим:
— Не во вред бы нам было
Взять фашиста живым.
И велит им без шума
Захватить «языка»,
В крайнем случае разве
Двинуть в душу слегка.
— Все понятно? — Понятно.
Хлопцы с места — в обход.
Скоро ль будут обратно?
Дед кисет достает...
Только трубку наладил,
Да кресало, да трут,
Глядь, спокойно
и чинно
Хлопцы немца ведут.
Руку правую — кверху,
Левой — держит штаны:
До того, на поверку,
Отощал до весны!
До того неопрятен,
Неприглядеn и худ!
И одно повторяет,
Что «капут» да «капут».
Но забава забавой,
А с того «языка»
Речи столько же здравой,
Что с козла молока.
Отмахнулся Данила:
— Погоди-ка ты, шут,
Это знали мы раньше,
Что придет вам капут.
А скажи-ка иное,
Да всю правду,
как есть,
За какою нуждою
Очутился ты здесь?
Немец деду подробно
Объясняет так-сяк,
Где словечко подыщет,
Где придумает знак,—
Словом, сам неповинен,
Проклинает войну
И желал бы отныне
Поместиться в плену.
Покосился Данила:
— Ох ты, сукин ты сын,
Так вот я и поверил,
Что в лесу ты один!..
Немец вдруг улыбнулся,
Головой закивал
И на пальцах
двенадцать —
Пять и семь — показал.
И ручищи покорно
Он скрестил на груди...
— Ну-ка, хлопцы, проворно!
Ну-ка, немец, веди...
Врассыпную за дедом
Поспевает отряд.
Наготове оружье,
Зорок глаз у ребят.
Не успел провожатый
Указать поворот,
Как рванулись ребята
Прямо к месту — вперед.
Невдали от тропинки,
На полянке лесной,
Кучкой немцы сидели,
Как грибы под сосной.
Видно, солнце пригрело,
Видно, зуд нестерпим:
Занимаются делом
Вошебойным своим.
Чуть завидели наших,
Автоматы кладут,
И у всех наготове
Тот же лозунг:
«Капут!»
Дед считает: двенадцать —
С бору с сосенки сброд:
— В плен собрались
сдаваться,
Ждете, плен и вам придет?
А не много ли чести
Вас искать по кустам?
Воевали на фронте —
В плен просились бы
там...
Тут один колченогий
К деду руки простер:
— Мы еще по дороге...
— Ну, другой разговор.
Словом, нынешний воин —
Сопляки, старички.
— Что ж, в колонну
по двое
Стройся живо, сморчки!

Он привык во всех гостиных
Полонять берлинских дам.

А коснулося Марины —
Тотчас в плен попался сам.

Партизан: — Вот задача... Не знаю, что мне с вами делать. Сначала закурить, а потом вас в плен брать, или взять в плен, а потом закурить?

— Стой, не стреляй! Это же свой человек — известный грабитель. Из него получится надежный бургомистр.

Фриц: — Выходит, наши головы оценены по рублю за штуку.
Ганс: — Как так?
Фриц: — А так. Партизан Данила вчера уничтожил как раз триста наших солдат.

Максим ТАНК

НЕОБЫЧНЫЙ ОТЧЕТ

Случилось это в селе Н., находившемся неподалеку от расположения гитлеровского гарнизона. Село это оккупанты считали «своей зоной», и почти каждый день туда приезжали эсэсовцы. За этой зоной почти на двадцать километров лежала земля, где на дорогах то и дело встречались надписи: «Осторожно! Заражена партизанами!» Скорее всего это была ничья земля: большинство сел было выжжено фашистами, и сюда редко кто заглядывал. Далее лежали озера Вилейщины, леса и болота, где действовали партизаны под командованием Федора Рыгоровича, за голову которого немцы уже несколько раз объявляли награду.

Однажды поутру крестьяне села Н. заметили на дороге подводу. Пара гнедых лошадок тащила какую-то допотопную, уныло дребезжащую колымажку, в которой некогда разъезжали помещичьи экономы и другие их прислужники. На телеге сидели трое в немецких мундирах. Крестьяне, все время наблюдавшие за подводой, молча стали расходиться по хатам. Один только староста да несколько полицейских остались на улице, чтобы приветствовать гостей.

— Гутен таг панам! — отвесил им низкий поклон староста.

Один из прибывших, в чине немецкого полковника, буркнул что-то одному из своих подчиненных, и тот начал на ломаном белорусском языке объяснять старосте: мол, господин полковник очень рад, что в этом селе его встречают представители нового порядка и что он, пока отдохнут лошади, хотел бы поговорить с крестьянами.

— Ну, скорей, скорей собирайтесь! — подгонял жителей староста.— Господин полковник приказал, чтобы через десять минут все были на месте. А для того, кто опоздает, шомполов не пожалеет.

Человек, которого староста назвал полковником, тем временем молча прохаживался возле дома старосты. Два его автоматчика, предварительно подбросив сена лошадям, стояли на улице. Народу собралось много.

— Почти все пришли. Только двух хозяев нет, они еще с обоза не вернулись,— доложил староста.

— Гут,— ответил немец, который, видать, и без переводчика понимал белорусский язык. Он поднялся на высокий балкон, чтобы всех мог видеть, снял фуражку, и тут произошло то, чего ни староста, ни крестьяне — никто не мог ожидать.

— Ну, что ж, не узнаете меня, соседи? — спросил он по-белорусски.— Я приехал к вам как депутат Верховного Совета, которого вы в свое время выбрали от своего округа, приехал, чтобы дать вам отчет о своей работе.

Отовсюду послышались радостные возгласы:

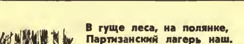
— Так это ж Федор Рыгорович!

— Наш депутат!

К сотни рук приветственно потянулись к своему депутату.

Только поздно вечером Федор Рыгорович выехал из села. Он возвращался в свой отряд в большой компании. Следом за его тележкой дребезжала бричка старосты. Сам староста и еще какой-то зондерфюрер, случайно очутившийся в селе и которого крестьяне захватили в плен, ехали со связанными руками. А по обочинам лесной дороги, ведущей в партизанский лагерь, шло новое пополнение — человек двадцать молодых хлопцев, вступивших в тот день в один из партизанских отрядов, которым командовал их депутат Федор Рыгорович.

Перевел с белорусского
Ян ОСТРОВСКИЙ.

В гуще леса, на полянке,
Партизанский лагерь наш.
Многим по сердцу землянки,
Лично я люблю шалаш.

Я отстроился неплохо:
Пирамидой — семь колов,
Сверху слой лозы
и моха,—
Партизанский дом готов!

Анатоль АСТРЕЙКО

мое жилье

Меблировка в нем отменна:
Подобрал жердинок пять,
А на них охапку сена,
Чтоб не жестко было спать.

Все идет по распорядку.
Если дождь мешает сну,
Я над ложем плащ-палатку
Балдахином растяну.

Отдых дам и автомату,—
Завтра ж нам фашистов бить!..
Вот добьем — шалаш на хату
Обменяю, так и быть.

Перевел с белорусского

В. Корчагин.

